

© 1990 г.

АПРЕСЯН Ю. Д.

ФОРМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Данная статья написана по мотивам доклада, прочитанного автором в феврале 1990 г. в Институте языкознания АН СССР на конференции по представлению знаний. Главные вопросы инженерии знаний в том виде, как эта область существует сейчас, можно сформулировать в виде трех КАК: как извлекать знания из специалиста, каким образом они должны быть организованы, как обеспечить пользователю максимально удобный доступ к ним. При этом мало кто интересуется представлением лингвистических знаний: лингвистика пока еще не стала такой общественно значимой областью, как, например, медицина.

Между тем автора в данной работе интересуют именно лингвистические, а еще точнее — лексикографические знания, и не столько способ их организации, сколько объем. Только установив, какие знания (сведения о лексеме) должны быть включены в словарь в рамках определенной задачи, уместно задаваться вопросом о том, как их следует организовать.

«Определенная задача» в нашем случае — это разработка формальной модели языка, способной (в идеале) понимать и строить тексты на нем так, как это делает человек, т. е. модели «Смысл ↔ Текст» (см. о ней [1]). Поставленная таким образом, задача оказывается неожиданно широкой, а попытка ее решения приводит к выводам, представляющим, по нашему мнению, бесспорный интерес для теоретической лингвистики, как бы эта последняя ни понималась.

В нижеследующем изложении автор позволил себе использовать отдельные формулировки из ряда своих опубликованных работ. Однако угол зрения, под которым рассматривается материал, целиком определен указанной выше задачей. Расширен был и сам материал.

1. Лексикография сегодня.

Исторически словари возникали как справочники. Сначала — как справочники трудных слов, а со временем — всех слов вообще. В этом качестве они не были связаны ни с грамматическим описанием языка, ни с теоретической лингвистикой, ни с нуждами практического преподавания языков. Лексикография развивалась как относительно автономная и замкнутая в себе область знания.

В XX в., особенно во второй его половине, началась глубокая реформа лексикографии, которая разворачивается с нарастающей силой и, по-видимому, достигнет своего пика к концу нынешнего столетия. Она была вызвана к жизни тремя факторами: 1) новым типом лингвистического описания, сложившимся в работах по формальным моделям языка;

2) новыми тенденциями в развитии теоретической лингвистики; 3) поворотом самой лексикографии к назревшим нуждам практического преподавания языков.

1.1. Новый тип лингвистического описания.

Всякое полное описание языка складывается из грамматики и словаря. Казалось бы, естественно требовать, чтобы эти два компонента складывались в единое целое, все части которого идеально пригнаны друг к другу, т. е. согласованы между собой по типам помещаемой в них информации и по способам ее записи. К сожалению, этот естественный тезис не формулировался раньше в явном виде. К тому же традиционно грамматики и словари пишутся разными специалистами, работающими совершенно независимо друг от друга. Совмещение в одном лице грамматиста и лексикографа — ситуация крайне редкая. Следствием такого положения вещей является несогласованность грамматического и лексикографического описания языка, ставшая настолько привычной, что на нее никто не обращает внимания. До последнего времени предметом серьезной критики были лишь внутренние непоследовательности грамматики или словаря.

Исследования по формальным моделям языка, стимулированные 35 лет назад работами Н. Хомского, заставили лингвистов совершенно по-новому взглянуть на проблему соотношения грамматики и словаря. Эти исследования начались в чисто теоретическом ключе, но очень быстро обрели широкое поле приложений. Такие области, как машинный перевод, требовали реализации на компьютерах принципиальных, т. е. научно обоснованных лингвистических моделей. При этом качество выполняемых машинной переводов было прямой функцией полноты используемой в модели лингвистической информации и степени согласованности ее грамматического и лексикографического компонентов. Так сложился новый тип лингвистического описания — интегральное, или единое описание языка (см. о нем [2]).

Общая идея согласованности и взаимодействия грамматики и словаря в рамках единого описания языка может быть представлена в виде двух более конкретных рабочих принципов: 1) разрабатывая словарную статью определенной лексемы, лексикограф должен действовать на всем пространстве грамматических (и — шире — лингвистических) правил и явным образом приписать ей все свойства, обращения к которым могут потребовать правила; 2) строя определенное правило, грамматист должен работать на всем пространстве лексем и учесть все типы их поведения, не предусмотренные в словаре.

В контексте данной статьи особый интерес представляет, естественно, первый принцип. Он позволяет перейти от обычного словарного описания лексемы к тому, что можно было бы назвать ее лексикографическим портретом.

Когда лексема рассматривается на фоне полного набора лингвистических правил, включая семантические, прагматические, просодические, коммуникативные и иные нетривиальные правила, создается совершенно новая точка обзора. Она позволяет увидеть новые грани и свойства лексемы, представляющие очевидный лексикографический интерес, но почти неуловимые вне рамок интегрального описания языка. Главное отличие лексикографического портрета от обычного словарного описания лексемы как раз и состоит в насыщении ее словарной статьи новой информацией, необходимость которой продиктована требованиями интегральности описания.

Из числа свойств, никогда раньше не описывавшихся или описывав-

шихся крайне несистематически, упомянем синтаксические и просодические свойства лексем.

Синтаксические свойства. Мы уже писали о свойствах лексем, обобщенных в понятии синтаксического признака. Синтаксический признак — это сокращенное обозначение классов синтаксических конструкций, в которых данная лексема может, должна или не может употребляться. В русском языке большинство глаголов, способных присоединять винительный падеж прямого объекта, меры, временной или пространственной протяженности, может, как известно, менять винительный на родительный в контексте отрицания. Считанное число глаголов, в частности, *иметь*, требуют этого в обязательном порядке; ср. *не иметь возражений* при невозможности **не иметь возражения*. Несколько десятков русских глаголов, напротив, даже под отрицанием сохраняют винительный падеж; ср.: *бесить, восхищать, оскорблять, смущать* (*Это не смущало мать (девушку)*), но не **Это не смущало матери (девушки)*; *воспитывать, обучать, убеждать, учить* (*Не надо убеждать мою сестру*, но не **Не надо убеждать моей сестры*); *заставлять, неволить, обязывать, принуждать* (*Прошу вас, не надо неволить мою сестру*, но не **Прошу вас, не надо неволить моей сестры*). Если отвлечься от многократно описанных смысловых и прагматических различий между винительным и родительным падежами в рассматриваемой функции (см., например [3—11]), то взаимодействие грамматики и словаря на этом участке системы русского языка можно представить следующим образом. В грамматику вводится общее правило факультативноймены винительного падежа на родительный в контексте отрицания. Сведения, придающие ему обязательную силу (для глаголов типа *иметь*) или, наоборот, блокирующие его применение (для глаголов типа *восхищать, обучать, неволить*), помещаются в виде специальных синтаксических признаков в словарных статьях соответствующих глаголов.

Любопытно, что очень похожее по своим семантическим и прагматическим эффектам правиломены именительного падежа подлежащего на родительный в контексте отрицания требует иного лексикографического решения. Это связано с прямо противоположным распределением классов слов, допускающих и не допускающих такуюмену. В русском языке есть всего несколько сотен глаголов и несколько десятков предикативных прилагательных, которые способны менять именительный падеж подлежащего на родительный в контексте отрицания. Большинство же русских глаголов сохраняет именительный падеж под отрицанием. Поэтому в грамматику должно быть введено частное правиломены именительного на родительный, охватывающее те несколько сотен слов, которые такуюмену допускают. Именно они должны быть маркированы в словаре специальным синтаксическим признаком, причем сам этот признак должен иметь не запрещающий (как в случае с винительным падежом), а разрешающий смысл.

Если исходить из накопленного в настоящее время опыта лингвистического моделирования [12, 13], с поправкой на то, что академические грамматика и словарь должны обладать существенно большей полнотой по сравнению с аналогичными компонентами чисто формальной модели языка, число синтаксических признаков, которые следует приписать лексемам, чтобы наладить взаимодействие грамматики и словаря, составит несколько сотен. Однако в существующих толковых словарях используется не более двух-трех десятков таких признаков. В частности, никакие признаки, описывающие способность русских глаголов менять прямые

падежи зависимых существительных на родительный в контексте отрицания, в словарных статьях соответствующих глаголов не фигурируют.

Сказанное позволяет оценить, насколько должен вырасти объем лексикографических сведений только о синтаксических свойствах слов, чтобы грамматика и словарь могли полноценно взаимодействовать в рамках интегрального описания языка.

Просодические и коммуникативные свойства. Говоря о просодии, мы имеем в виду акцентные выделения и интонационные контуры, как это принято в работах по интонологии (см., например [14—16]). Вообще говоря, акцентные выделения и интонационные контуры характеризуют высказывания и к лексемам, как будто, отношения не имеют. Однако во многих случаях они лексикализируются и тогда приобретают безусловную лексикографическую ценность. В дальнейшем мы скажем несколько слов только об акцентных выделениях. Лексикографическим аспектам просодической информации в целом посвящена наша работа [17].

Все четыре типа акцентных выделений — синтагматическое, главное фразовое, логическое (контрастное) и эмфатическое ударения — способны лексикализироваться. Так, союзное слово *потому*, что отличается от причинного союза *потому что* тем, что всегда несет контрастное ударение; ср.: *Я ходил на конференцию потому, что там выступали мои сотрудники* vs. *Я ходил на конференцию, потому что там выступали мои сотрудники*. Связано это, по-видимому, с тем, что данное союзное слово естественно использовать в контекстах противопоставления: *Я ходил на конференцию не потому, что там были интересные доклады, а потому, что там выступали мои сотрудники*.

Вопросительно-восклицательные частицы *что* 3 и *как* 3 всегда выделяются эмфатическим ударением: *Как?! Ее подозревают, упрекают? И в чем?!; Что?! Уж не думаешь ли ты, что здесь одни дураки?* Этим они отличаются от союзов *что* 1 и *как* 1 и союзных слов *что* 2 и *как* 2. Первые всегда безударны и клитичны, а вторые могут быть как безударными, так и ударными.

Все указанные факты должны быть так или иначе отражены в толковом словаре. Однако в целом контрастное и эмфатическое ударения представляют периферийный лексикографический интерес, поскольку лексикализируются крайне редко. Гораздо чаще происходит лексикализация синтагматического и главного фразового ударений. Мы проиллюстрируем эти процессы на примере слова *вообще*.

Вообще в роли присубстантивного атрибута имеет значение «рассматриваемый как класс объектов или тип объекта, без выделения отдельных объектов внутри класса или свойств конкретного объекта»: *Пили за дам вообще и за его жену в особенности*. В этой синтаксической функции *вообще* обычно выделяется синтагматическим ударением, которое превращается в главное фразовое, если определяемая именная группа находится в конце предложения: *За чаем зашел разговор об огородничестве и о хозяйстве вообще*.

В роли приглагольного обстоятельства в контексте союзов *и*, *но*, *а* слово *вообще* имеет следующее значение: *Р и вообще (но вообще) Q = «Имеет место Р, и имеет место Q, и Р — частный случай Q (исключение из Q)»*; ср.: *Он пил один коас и вообще проявлял страшную скаредность; Сам он пил дорогое вино, но вообще проявлял страшную скаредность*. В этом случае *вообще* нейтрально к фразовой просодии: оно может быть и фразово ударным, и фразово безударным.

В той же роли прилагательного обстоятельства, но в контексте эксплицитного или имплицитного отрицания *вообще* имеет значение «при любых обстоятельствах» и всегда несет главное фразовое ударение: *Генерал боялся, что вообще не уснет ночью; Разжигать костры он вообще запрещал* (= «не разрешал», имплицитное отрицание).

Наконец, в роли частицы *вообще* означает «говорящий оставляет за собой право на оговорку и уточнение своего чересчур общего утверждения». Просодически оно никак не выделяется и превращается в клятву: *Этой версии я вообще не слышал, Эту версию я вообще слышал*.

Очевидна лексикографическая ценность этой и другой подобной информации. Тот факт, что она до сих пор никогда не включалась в словари, ничего не меняет по существу.

Итак, идеология интегрального описания языка позволяет обнаружить и включить в словарь много новых ценных сведений о лексикографически существенных свойствах слов, ранее никогда не замечавшихся.

1.2. Новые тенденции в развитии теоретической лингвистики.

Во второй половине нашего столетия синхроническая теоретическая лингвистика претерпела очень серьезные изменения. Раньше она имела ярко выраженный классификационный и дефиниционный уклон. Задача описания считалась выполненной, если множество изучаемых объектов (фонем, слогов, морфем, аффиксов, слов, конструкций, фразеологизмов и т. п.) распределялось по классам и каждому множеству и классу давалось определение. При этом почти во всех лингвистических дисциплинах основным объектом или исходным материалом было слово, изучаемое с какой-нибудь одной точки зрения. Так возникли понятия акцентного типа, парадигмы, грамматической категории, словообразовательной структуры, лексического значения, семантического поля, сочетаемости, синтаксической функции и т. п. Лишь в синтаксисе объектом изучения, наряду со словами, были типы словосочетаний и предложений.

Основные лингвистические знания, которые можно было получить таким образом, были получены к 50-м годам нашего столетия. С этого времени добывать существенно новые результаты старым способом оказалось невозможно. Те, кто пытался это делать, на самом деле предлагали лишь версии старых концепций в новой терминологической упаковке.

В поисках подлинно нового знания, стимулированных прежде всего движением самой теоретической мысли, потребовалось пересечь границы прежнего лингвистического мира сразу в двух направлениях.

Во-первых, произошел прорыв в макромир, или лингвистику предложения, высказывания, а затем и текста. Кстати, это привело к перемене взгляда и на старую проблему классификации лексем по семантическим или иным основаниям.

Во-вторых, произошел прорыв в микромир, или лингвистическое портретирование.

По-видимому, впервые термин «портретирование» применительно к описанию слов был введен в [18]. Однако там имелась в виду только полнота семантической характеристики лексемы, достигаемая ее постановкой в возможно более широкий круг контекстов и тестированием ее применимости для описания возможно более широкого спектра ситуаций.

Впоследствии представления о лингвистически релевантных свойствах слов существенно расширились. Наряду с лексическим значением слов стали с той же степенью детальности исследовать их сочетаемость, рефе-

ренцию, коммуникативные и прагматические свойства и т. п. При этом объектом портретирования почти сразу стало отдельное лексическое значение слова, или лексема, а не слово в целом. Ведя поиск нового знания на уровне отдельной лексемы, но рассматривая ее в контексте всего словаря, во всем многообразии ее текстовых употреблений, на фоне если не полного, то достаточно представительного свода правил данного языка, теоретическая лингвистика сумела получить замечательные по глубине и подробности лексикографические портреты. Представление о типе исследований, которые здесь имеются в виду, дают [19—25]. В нынешней лингвистической литературе такие исследования составляют весьма значительную часть действительно интересных теоретических работ. Легко назвать сотни лексем (*истина, правда, мотивировка, причина, цель, воля, свобода, судьба, душа, иметь, знать, считать, говорить, разрешать, запрещать, бояться, надеяться, каждый, любой, всякий, мало, немало, много, редко, нередко, часто, как, здесь, сейчас, теперь, за, перед, один, только, даже, тоже, также, и, или, но, разве, неужели, —то, —либо, —нибудь* и многие, многие другие), ставших героями десятков исследований. Некоторые из них, такие, как отрицание *не*, породили огромную литературу (см., например [26], с дальнейшей библиографией).

Такие штудии представляют интерес не только как источник новых общих принципов, но и как сокровищница конкретных результатов, находок и наблюдений, особенно в области толкования лексических значений. Для словарного дела они дают прежде всего исключительно полезный полуфабрикат. Стоит подумать и о том, как адаптировать для нужд толковой лексикографии некоторые связанные с обработкой литературных данных особенности жанра этимологического словаря. Мы имеем в виду обсуждение непосредственно в словарной статье (например, в зоне комментариев) конкурирующих описаний данной лексемы, с аргументированным выбором лучшего из них.

1.3. Новые тенденции в развитии лексикографии.

Мы уже сказали выше, что исторически словари возникали как справочники. В этом отношении они следовали за теоретическими грамматиками языков: грамматики тоже мыслились как руководства, помогающие не столько создавать тексты, сколько понимать их. Правила построения текстов сообщались скорее в риториках.

В начале XX в. в трудах Ф. Брюно, О. Есперсена, Л. В. Щербы и других классиков лингвистики грамматика была разделена на пассивную и активную. За пассивной (традиционной) грамматикой была оставлена роль справочника, который учит понимать. В ней факты излагаются в направлении от грамматических форм к выражаемому ими содержанию. Активная грамматика, которая в последнее время больше известна как функциональная, учит говорить и писать. В ней изложение строится в обратном направлении — от значения, которое требуется выразить, к возможным в данном языке средствам его выражения. Эта же установка, задолго до возникновения функциональной грамматики, была принята и реализована в модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» [1].

Для говорения требуется существенно больший объем собственно языковых знаний, чем для понимания. Поэтому еще одно различие между активной и пассивной грамматиками состоит в том, что первая описывает (или по крайней мере должна описывать) языковые факты гораздо более полно и детально, чем вторая.

Параллельно аналогичные идеи развивались в лексикографии, при-

чем активные (идеографические) словари, построенные в направлении от содержания к форме, появились даже раньше, чем активные грамматики. Первое издание самого известного идеографического словаря [27] было опубликовано в Англии в 1852 г.

Типичный идеографический словарь представляет собой, как известно, иерархическую понятийную классификацию лексики. Концевые классы такой классификации суть группы синонимичных или близких по смыслу лексических единиц, в том числе фразем. Группа «судьба», например, в [27] включает (в приблизительном переводе на русский язык) следующие лексические единицы: *чья-л. звезда; неумолимый рок; гороскоп; перспектива, предстоящее, будущее, новая жизнь; предвестие, дыхание чего-л.; предстоящий, нависающий, грозящий; предсказанный, предначертанный, начертанный на небесах; суженный, предопределенный; неумолимый, неизбежный; нависать, приближаться, предстоять; вырисовываться; предсказывать; предсказать, пророчить; в будущем, в свой черед; что бы ни случилось; придет время; и т. п.*

Таким образом, идеографический словарь предоставляет пользователю самый широкий выбор синонимов, квазисинонимов, аналогов, (семантических) дериватов для адекватного выражения требуемой мысли.

Однако указание всех средств выражения определенного смысла еще не обеспечивает того, что он будет выражен правильно. Знание синонимов — лишь одна сторона той способности, которая называется «свободное владение языком». Вторая ее сторона — знание сочетаемостных (комбинаторных) законов и правил языка.

Осознание этого факта привело к возникновению нового типа активного словаря, сообщающего максимум сведений и о синонимичных средствах языка, и о его комбинаторных правилах. Именно такой словарь обеспечивает возможность свободного и правильного использования лексических единиц в собственной речи говорящих.

Первые такие словари были составлены (А. Роймом) в 10-х годах нашего столетия в качестве пособия при изучении лексики французского и английского языков в школе. Оба словаря были незаслуженно забыты, хотя и переиздавались в ГДР в 1953 и 1955 гг. соответственно [28, 29]. При словнике всего в 4—4,5 тыс. единиц они почти не уступают по листажу вебстеровскому словарю для школьников [30], насчитывающему свыше 20 тыс. единиц. Иначе говоря, по подробности разработки словарная статья в словаре Ройма превосходит словарную статью в словаре Вебстера в среднем в 4—5 раз. Достигается это за счет того, что в [28, 29] достаточно хорошо представлены синонимы, антонимы и дериваты ключевого слова, особенности его синтаксического управления, а также его семантическая и лексическая сочетаемость.

Хорошее представление о том, насколько подробно разрабатывается сочетаемость в словарях А. Ройма, дают словарные статьи существительных. В них сообщаются 1) традиционные эпитеты (например, *твердое, сложившееся, высокое, невысокое, низкое, лестное, нелестное мнение*); 2) глаголы, при которых данное слово играет роль подлежащего (*Мнение складывается, создается, укореняется; Мнения сталкиваются, разделяются, расходятся, сходятся, совпадают*); 3) глаголы, при которых данное слово играет роль дополнения (*иметь мнение, держаться мнения, приходить к мнению, оставить при своем мнении, отказываться от мнения, отвергать <разделять> чье-л. мнение, менять мнения*). В словарных статьях, трактующих конкретную лексику, особенно артефакты, помимо этого перечисляются (на примере слова *пароход*): 1) функции и виды поведения

данного объекта в различных типичных для него ситуациях (в порту: *Пароход причаливает, швартуется, бросает якорь, встает под погрузку, берет на борт пассажиров и т. п.*; в море: *Пароход находится в плавании, держит курс куда-л., попадает в шторм, дрейфует, лавирует, перевозит пассажиров и грузы и т. п.*; в аварийных условиях: *Пароход дает течь, терпит кораблекрушение, дает сигнал бедствия, идет ко дну и т. п.*); 2) его существенные характеристики (*водоизмещение, осадка, тоннаж, остойчивость, грузоподъемность, экипаж, капитан и т. п.*); 3) его формы; 4) его виды; 5) его части; 6) материал, из которого он сделан.

Очевидно, что такие словари в гораздо большей степени обеспечивают активное овладение языком, чем традиционный словарь-справочник и даже чем чисто идеографический словарь.

С 50-х годов нашего столетия идеи активного словаря, независимо от словарей П. М. Рже и А. Ройма, стали энергично разрабатываться в американской, английской, немецкой, русской, французской и других развитых лексикографиях мира. При этом в одних словарях [31, 32] в фокусе внимания оказывались синонимические средства языка, а в других [33—37] — сочетаемость лексических единиц, включая глагольное управление. В последнем из названных словарей интересна не столько подача сочетаемости, сколько подробная характеристика лексических единиц с точки зрения их употребительности, основанная на авторитетных оценках коллегии экспертов (*usage panel*).

Лишь в двух известных нам словарях делается попытка реализовать концепцию активности в обоих названных выше аспектах. Это «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского [38] и «Англо-русский синонимический словарь» Ю. Д. Апресяна, А. И. Розенмана и других авторов [39]. В [38] впервые в мировой практике сочетаемость слов была описана на основе серьезной лингвистической теории.

В заключение этого краткого обзора подчеркнем, что идеология лингвистического моделирования, тенденции развития современной теоретической лингвистики и собственная эволюция лексикографии действовали в одном направлении. Совокупный эффект этих разнородных факторов был удивительно однороден в том смысле, что он сформировал теорию и практику составления словарей активного типа. Словарная статья такого словаря должна содержать (в идеале) исчерпывающую информацию о лексеме, т. е. сообщать весь объем знаний о ней, которые входят в состав языковой компетенции говорящих.

Ниже мы попытаемся дать практическую иллюстрацию этого тезиса. В качестве примера мы рассмотрим типы лексикографической информации, сообщаемой в толковом словаре управлений и сочетаемости русского глагола, над которым сейчас работает автор. Для наглядности почти весь материал берется из словарной статьи глагола *быть*. Мотивация этого выбора двоякая. Во-первых, этот глагол, находящийся на стыке лексики и грамматики, является живым воплощением их взаимодействия и поэтому особенно удобен для иллюстрации того, какая лексикографическая информация должна войти в словарь в рамках интегрального описания языка. Во-вторых, он относится к числу тех слов-героев, к которым постоянно обращается внимание и теоретиков, и грамматистов-практиков. В настоящее время он настолько хорошо изучен (см., например [40], с дальнейшей библиографией, и [41]), что на его материале лексикографическая релевантность теоретических находок и результатов становится непосредственно очевидной.

В данной работе мы вынуждены будем ограничиться только типами информации о лексеме и не сможем привести целиком словарной статьи глагола *быть*. Более подробно и с необходимыми сопоставлениями этот материал изложен в [42].

2. Типы лексикографической информации в словаре управлений и сочетаемости.

Для удобства дальнейшего изложения приведем схему (синапсис) словарной статьи глагола *быть*, к различным элементам которой мы будем постоянно отсылать читателя.

Всего в семантической структуре глагола *быть* выделяется шесть крупных групп значений: 1) связочные, 2) локативные, 3) посессивные, 4) экзистенциальные, 5) модальные, 6) вспомогательное. Каждая из этих групп может быть представлена несколькими значениями, так что в результате получается двухуровневая иерархия. Не раз отмечалась особая близость локативных, посессивных и экзистенциальных значений (см., например, [43]), дающая основание для еще одного укрупнения, но мы не станем этого делать. Это только затруднило бы изложение, ничего не меняя по существу: реальной единицей словаря языка является отдельная лексема, а любые группировки имеют лишь металингвистический смысл.

Каждое лексическое значение в синапсисе снабжается условным толкованием (краткой и поэтому не обязательно точной перифразой) и одним примером.

- 1.1. «являться»: *Мой отец был поэтом;*
- 1.2. «быть тождественным»: *Это был Иван;*
- 2.1. «находиться»: *Кот был в саду;*
- 2.2. «прибывать»: *Его сегодня не будет;*
- 3.1. «принадлежать»: *У него была прекрасная библиотека;*
- 3.2. «быть в определенном возрасте»: *Ребенку пять лет;*
- 4.1. «существовать»: *Есть еще добрые люди на свете!*
- 4.2. «иметь место, случаться»: *Был (будет) дождь;*
- 4.3. «иметь место, наступать»: *Было пять часов утра;*
- 4.4. «случаться, постигаться»: *С другом беда;*
- 5.1. «уверенность в неизбежности события»: *Быть грозе;*
- 5.2. «уверенность в неизбежности гибели»: *Нам теперь конец;*
- 5.3. «надо прекратить воздействие»: *Будет с тебя;*
6. в составе аналитического будущего: *Не буду вам мешать.*

Каждой из лексем 1.1—6 может быть приписано до восьми типов информации: 1) морфологическая, 2) стилистическая, 3) семантическая, 4) прагматическая, 5) просодическая и коммуникативная, 6) о моделях управления, 7) сочетаемостная, 8) фразеологическая.

1. Морфологическая информация.

1.1. Грамматическая парадигма, задаваемая традиционным списком ключевых форм, по которым в принципе можно реконструировать все недостающие формы.

1.2. Морфные варианты для выражения одного и того же грамматического значения (одной и той же грамеммы). Ср. *есть* и *ѣ* (нуль) во всех формах лица и числа в большинстве лексических значений (см. например 2.2, 4.1, 5.1, 5.3, 6).

1.3. Граммемная информация.

а) Видовой коррелят (для одновидового *быть* это персонифицировано)

б) Ограничения на формы вида, времени, наклонения, репрезентации,

лица, числа. Так, *быть* 2.2 используется преимущественно в формах *прош* или *буд*: *Он сегодня уже был*, *Его сегодня не будет*. *Быть* 5.3 используется исключительно в форме *буд*: *Будет с тебя*. *Быть* 5.1 используется исключительно в форме *инф*: *Быть беде*.

1.4. Информация о грамматических функциях данной лексемы. Для *быть* это способность формировать аналитическое будущее (см. *быть* 6) и пассивно-аналитическую форму. Нам представляется, что в случае аналитического пассива реализуется не какое-то специальное вспомогательное значение глагола, как склонны считать толковые словари русского языка, а связочное *быть* 1.1. Это подтверждается тем фактом, что пассивные причастия и канонические прилагательные сочиняются при одной связке: *Он был оставлен самими близкими друзьями и зол на весь мир*.

2. Стилистическая информация.

Она сообщается с помощью традиционной системы стилистических помет. Единственное новшество состоит в том, что законным объектом стилистической классификации считается не только слово, лексема, фразама или грамматическая форма, но и некоторые более сложные объекты, в частности, свободные синтаксические конструкции и свободные словосочетания. Ср. архаичность *Он у нас поваром уже три года* (*быть* 1.1) и устарелость *Вы будете к нам завтра?* (*быть* 2.2). В современных словарях русского языка обе эти конструкции приводятся без каких-либо стилистических помет, что создает неверное представление о нынешних возможностях *быть*.

3. Семантическая информация.

3.1. Аналитическое толкование лексического значения. Объектом толкования является пропозициональная форма с переменными по актантам ситуации, обозначаемой данной лексемой. Само толкование представляет собой аналитическую формулу, фиксирующую все логически различные слои смысла в составе данного лексического значения: модальные рамки, вводимые компонентом «говорящий»; пресуппозиции, имеющие вид деепричастных и причастных оборотов, атрибутов или релятивных предложений; ассерции, имеющие вид главных предложений с глаголом в личной форме; рамки наблюдения. Примеры:

Быть 5.1 *X-y* = «Говорящий уверен, что событие X, каким-то образом затрагивающее его, неизбежно» (пример см. в сипнописе).

А есть 5.2 *X-y* = «Говорящий уверен, что событие X, нежелательное для X-а, неизбежно случится с X-ом» (*Нам теперь хана <конец>*). Обратим внимание на различие между модальным *быть* 5.2 в *Нам теперь конец* и связочным *быть* 1.1 в *Нам теперь раздолье*: *раздолье* имеет место в момент наблюдения (который в данном случае совпадает с временем речи), между тем как *к о н е ц* отодвинут в будущее относительно момента наблюдения.

3.2. Информация о возможных семантических противопоставлениях двух внешне различных манифестаций одной и той же грамимеы. Как уже было сказано, посессивное *быть* 3.1 реализуется в форме *наст* либо в виде *я*, либо в виде *есть*. В сочетании с существительным, обозначающим инструмент или средство, оно обычно предполагает актуальное обладание, если реализуется нулем, и обладание вообще, если реализуется формой *есть*. Ср. *У него пластиковые лыжи* (и поэтому он так быстро бежит) vs. *У него есть пластиковые лыжи* (Он в принципе является обладателем пластиковых лыж).

3.3. Семантические модификации прототипического (словарного) толкования в различных грамматических формах. *Быть* 5.2, упомянутый

в пункте 3.1, обозначает предстоящее относительно момента наблюдения событие только в формах *прош* и *наст*. Именно в этих двух формах он резко противопоставлен быть 1.1. В будущем времени противопоставление в значительной мере нейтрализуется. Фразы *Им будет конец* и *Им будет раздолье* могут относить рассматриваемое событие к одному и тому же моменту в будущем, если отсчитывать его от момента наблюдения.

3.4. Ограничения на возможность реализации видовых, темпоральных и других грамматических значений в определенных синтаксических конструкциях. Примером может служить локативное быть 2.1. в отрицательных предложениях с подлежащим в именительном или родительном падеже. В первом случае невозможно актуально-длительное значение. Предложения типа *Отец не был на море* могут иметь либо общефактическое результативное, либо общефактическое двунаправленное значение. Во втором случае невозможны оба общефактических значения. Предложения типа *Отца не было на море* могут иметь только актуально-длительное значение. Из всех русских глаголов, допускающих мену именительного падежа подлежащего на родительный в контексте отрицания, лишь быть 2.1 обладает указанным свойством. Оно очевидным образом должно быть отмечено в его словарной статье.

3.5. Различные синтаксические употребления в пределах одного лексического значения. Связочное быть 1.1 допускает нормальное номинативное подлежащее, с одной стороны (ср. *Парень был слегка навеселе*), и инфинитивное или сентенциальное подлежащее при предикативе, с другой (ср.: *Сидеть дома было скучно*; *Жаль, что он не приехал*).

3.6. Группы слов, семантически связанных с ключевым словом на парадигматической оси языка, — точные и неточные синонимы, аналоги (когнотимы), точные и неточные конверсивы, точные и неточные антонимы. Так, быть 4.4 синонимизируется с той или иной степенью точности с глаголами *происходить, случаться, выходить, делаться, приключаться, страсти, твориться, даться* и, с несколько другой моделью управления, с глаголом *постигать*; ср. *Не понимаю, что с ним было*. В связи с этим синонимическим рядом заметим, что громадный пласт синонимии русского, как, впрочем, и других языков, не только не описан в самых подробных специальных словарях, но до сих пор даже не обнаружен. Мы имеем в виду синонимию малых лексикографических типов, т. е. синонимию, возникающую на уровне далеких от основного значений — переносных, образных, фразеологически связанных. Даже в самом полном синонимическом словаре-инвентаре [44] нет таких живых синонимических рядов, как (только на глагольном материале буквы В) *включить — врубить (свет), владеть — охватывать (Им владел страх — Его охватил страх), влиять — отражаться — сказываться (Тяжелая работа повлияла на его здоровье — отразилась /сказалась/ на его здоровье), вместиться — встать (Чуждан судба не вместится — здесь не встанет), водить — держать — разводить (голубей), водить — направлять (Гнев водит его пером — направляет его перо), возвести — поднять (глаза), возводить — относить (рукопись к десятому веку), возратить — восстановить (здоровье), войти — зайти (в магазин), воткнуть — вставить (свечу), впитаться — впериться (глазами, взглядом), врать — фальшивить (об игре на музыкальном инструменте, пении), восходить — всходить — вставать (о светиле), вступить — войти (в организацию), выбить — выдолбить (углубление), выбежать — вынестись, вывести — исключить (из состава комиссии), выдать — обнаружить (свое волнение) и многие другие.*

4. Прагматическая информация.

Этой теме в лексикографическом аспекте посвящена наша работа [45]. Применительно к глаголу *быть* единственно существенный род прагматической информации — это информация о преимущественно или исключительно перформативном употреблении той или иной фраземы, в состав которой он входит. Указанным свойством обладают, например, фраземы *быть по сему* = «властью, которая дана говорящему, он объявляет обязательным к исполнению сделанное только что предложение» или *так и быть* = «говорящий объявляет о своем согласии на сделанное ему предложение, сообщая одновременно, что оно не во всем его удовлетворяет». См. также раздел 8.

5. Просодическая и коммуникативная информация.

Из всех просодических свойств, которые были упомянуты в разделе 1.1, лексикографически релевантным для глагола *быть* оказывается только главное фразовое ударение. Посессивное *быть* 3.2 в форме наст реализуется либо в виде *0*, либо в виде *есть*. В первом случае оно входит в состав темы высказывания. Во втором случае оно всегда несет главное фразовое ударение и является, таким образом, ремой или частью ремы. Этому просодическому и коммуникативному различию сопутствует семантическое противопоставление смыслов «ровно X» — «не меньше, чем X»: *Ему три года* = «Его возраст равен трем годам» — *Ему ¹есть три года* = «Его возраст не меньше трех лет». Таким образом, *быть* 3.2 входит в компактную группу глаголов типа *весить*, *длиться*, *насчитывать*, *стоить* и т. п., замечательных тем, что в позиции ремы они меняют свое значение с «быть равным (по весу, продолжительности, количеству, стоимости, ...)» на «быть не меньше, чем» (подробнее см. [26]).

6. Информация о моделях управления.

6.1. Семантические валентности лексемы. Они представлены переменными в пропозициональной форме, образующей вход толкования. Ср. *А было 4.4 с X-ом* = [Не понимаю, что со мной было; С ним было что-то ужасное] = «Имело место нежелательное или трудно определяемое событие или состояние А, главным участником которого было существо X, вовлеченное в А помимо своей воли».

6.2. Способы оформления валентностей. На эту тему сообщается следующая информация:

а) Грамматический класс или подкласс управляемой единицы (существительное, прилагательное, наречие, предлог, глагол, союз). Отмечается также управление целым предложением — косвенным вопросом, прямой речью и т. п. В случае необходимости указывается конкретная лексема, вводящая данную валентность: наречие, предлог, союз.

б) Грамматическая форма управляемой единицы — падеж, число, лицо, репрезентация и т. п. Отмечается также способность данной валентности оформляться несколькими разными способами. Ср. способность связочного *быть* 1.1 иметь присвязочные зависимые — наречия (*Парень был навеселе*), прилагательные в полной и краткой форме и в сравнительной степени (*Было трудно*, *Будет еще труднее*), существительные в именительном падеже (*Было самое время уходить*).

6.3. Синтаксическая факультативность или обязательность валентности. Это различие настолько хорошо известно, что примеры не нужны.

6.4. Несовместимость валентностей, т. е. невозможность их одновременной реализации. На материале глагола *отличаться* таких случаев нет, поэтому приведем в качестве примера глагол *отличаться*. Он имеет четыре валентности: субъекта (кто или что отличается), второго компарата (от

кого или чего отличается), аспекта (по чему, т. е. в каком отношении отличается) и содержания отличия (чем именно отличается). Третья и четвертая валентности этого глагола не сочетаются друг с другом. Можно сказать либо *отличаться от кого-л. по складу ума*, либо *отличаться от кого-л. аналитичностью ума*, но не **отличаться от кого-л. по складу ума аналитичностью*.

6.5. Трансформируемость моделей управления, т. е. явления типа *Я считаю, что она красива ↔ Я считаю ее красивой*. На материале быть таких случаев не обнаружено. Примеры типа *Он был в меховой шапке ↔ На нем была меховая шапка* не являются трансформами в точном смысле слова, несмотря на синонимичность соответствующих предложений, так как они построены на основе разных лексических значений *быть*: связочного *быть 1.1* (*Он был в меховой шапке*) и локативного *быть 2.1* (*На нем была меховая шапка*).

7. Сочетаемостьная информация.

7.1. Морфологическая. Ср. *быть 3.1* с обычным подлежащим в именительном падеже (*У тебя будет время встретить меня на вокзале*) или с подлежащим в родительном падеже в контексте количественного наречия (*Люддей у нас было много*). Интересный пример морфологического сочетаемости ограничения дает глагол *стоять* в функции условного или темпорального союза: *Стоит ему войти, как все встанут, Стоило ему войти, как все вставали*. Этот глагол требует, чтобы зависимый инфинитив имел форму сов. Любопытно, что почти в точности синонимичный ему союз *как только* свободно сочетается с обоими видами зависимого глагола: *Как только он вошел, все встали* или *Как только он входил, все вставали*. Этот, как и другие подобные факты, объясняется одним общим законом нарастающей маркированности несобственных значений по сравнению с собственными. Для союза *как только* темпоральное значение — основное (собственное), между тем как для глагола *стоять* оно является далеким производным основного значения, т. е. приобретенным, или несобственным значением.

7.2. Стилистическая. Ср. архаичность или книжность конструкции *Мой брат был <будет> профессор*, со связочным *быть 1.1 в форме прош* или *буд* и присвязочным зависимым в форме *им*. Заметим, что в форме *наст* эта конструкция утрачивает стилистическую маркированность: *Мой брат профессор*.

7.3. Семантическая. Существует несколько интересных типов (семантических сочетаемых ограничений, из которых мы упомянем два основных).

а) На именные группы глагольных зависимых могут накладываться ограничения, не вытекающие непосредственно из лексического значения глагола, а коренящиеся скорее в его грамматической форме или способах реализации валентностей. Рассмотрим *быть 1.1* в нулевой форме *наст* в синтаксической конструкции «СУЩ, *им* + ГЛАГ + СУЩ, *твор*». В этом случае вершина первой именной группы должна быть представлена существительным со значением человека, а вершина второй именной группы — существительным, обозначающим должность или профессию. Можно сказать *Он у нас садовником*, но не **Он у нас ветераном труда*. Еще более неправильны фразы типа **Ссылка на нехватку времени у нас формулой вежливого отказа от поручения*. Существенно, что в формах *прош* или *буд* такие фразы немедленно восстанавливают свою грамматическую правильность: *Он у нас будет ветераном труда, Ссылка на нехватку времени была у нас формулой вежливого отказа от поручения*. Можно было бы возразить,

что на самом деле пружиной запрета являются не свойства лексемы *быть* 1.1, а фактор совершенно другой природы — нулевая реализация глагола *работать* в форме наст. Это — вполне правдоподобное допущение, против которого, однако, можно выдвинуть следующий контраргумент. Признавая такую нулевую реализацию *работать*, мы постулируем некий универсальный факт, между тем как нулевые реализации *быть* в форме наст — совершенно заурыядное явление.

б) Имеется прямо противоположный тип сочетаемостных ограничений, когда не способ реализации глагола влияет на семантический класс актанта, а семантический класс актанта определяет выбор глагольной формы или ее варианта. Ср. выбор нулевого варианта формы наст для *быть* 3.1 (посессивного) в контексте нормальных *nomina anatomica*: мы говорим *У нее каштановые волосы*, но не **У нее есть каштановые волосы*. Ср., однако, *У нее есть бородавки*.

7.4. Лексическая. Ср. список из семи не-К единиц (*некого, нечего, негде, некуда, неоткуда, незачем, некогда*), которые сочетаются со связочным *быть* 1.1 в конструкциях типа *Некому было жаловаться, Негде было спать, Нечего было есть, Некуда было прижнуться* и т. п. Никакие другие лексические единицы в рассматриваемой синтаксической позиции невозможны. В частности, единицы типа **некак, *некакой, *непочему* и другие подобные давно выпали из современного языка или являются диалектизмами. Это лексическое сочетаемостное ограничение имеет интересную параллель — список из семи К-слов (*кого, что, где, куда, откуда, зачем, когда*), которые сочетаются с экзистенциальным *быть* 4.2 в конструкциях типа *Будет кому жаловаться, Есть где спать, Было что надеть на себя, Было куда прижнуться* и т. п. Никакие другие К-слова в рассматриваемой синтаксической позиции тоже невозможны; ср. неправомерность **Было как ехать туда, ?Было почему бояться* и т. п. Подробное доказательство того, что в первой из этих двух конструкций используется *быть* 1.1, а во второй — *быть* 4.2, см. в [46]; пронизательные мысли по их поводу высказаны в [47].

7.5. Референциальная. В связи с этим типом информации обратим внимание на различие денотативных статусов локативной именной группы при *быть* 2.1 в отрицательных предложениях (см. выше пункт 3.4). Если эта именная группа обозначает большой пространственный объект, то в общефактическом результирующем ее естественно понимать в родовом статусе: *За всю свою жизнь я ни разу не был на море* (*в лесу, в городе, в деревне*), т. е. не побывал на (<в>) такого рода объекте. В общефактическом двуправленном и актуально-длительном значениях точно такую же именную группу естественно понимать в конкретно-референтном статусе: *Сегодня я еще не был на море* (*в лесу, в городе, в деревне*), т. е. еще не ходил на берег того моря (<в тот лес, в тот город, в ту деревню>), которые расположены по соседству; *Отца не было на море* (*в лесу, в деревне*).

Для посессивного значения *быть* 3.1 характерна предпозиция у-группы относительно глагола и родовой статус группы подлежащего: *У меня есть деньги* = «Я располагаю объектом, относящимся к классу денег». При постпозиции у-группы значение может меняться на локативное, а подлежащее приобретает конкретно-референтный статус: *Деньги у меня* = «Деньги, о которых идет или шла речь, находятся у меня».

7.6. Просодическая. В сочетании форм *был, было, были* с отрицанием не главное фразовое ударение перетягивается с глагола на эту частицу, а глагол становится клитикой: *Он там не был, Его там не было, Они там не были*. В существующих толковых словарях русского языка этот

факт описан не вполне корректно — в одном ряду со словесным ударением форм *было, была, были*. Его лексикографическая ценность возрастает в связи с тем, что *быть* — единственный глагол русского языка, сохраняющий свойство в обязательном порядке передавать главное фразовое ударение частице *не*. Другие глаголы (*жить, пить*), еще не утратившие окончательности этого свойства, в современном русском языке склонны сохранять главное фразовое ударение даже под отрицанием.

7.7. Коммуникативная. Экзистенциальное *быть* 4.1 подобно экзистенциальным значениям других глаголов (*бывать, существовать* и т. п.), выталкивает подлежащее в рематическую позицию: *В Африке еще есть львы, но они давно занесены в Красную книгу*.

7.8. Синтаксическая. Имеется несколько типов синтаксической сочетаемости информации, регистрируемой в рассматриваемом словаре.

а) К управляемому существительному может предъявляться требование, чтобы при нем было обязательное зависимое. Так обстоит дело с посессивным *быть* 3.1, которое в сочетании с нормальными *nomina anatomica* требует, чтобы при них было определение или атрибут: *У нее были каштановые волосы*, но не **У нее были волосы*.

б) Целое предложение может требовать того, чтобы в его составе была обязательный детерминант или обстоятельство времени. Так обстоит дело со связочным *быть* 1.1 = 1) в случае *Он у нас поваром (у нас — детерминант)*. *Я уже третий год поваром (третий год — обстоятельство времени)*.

в) На порядок слов могут накладываться ограничения, специфичные для данного лексического значения. Так, экзистенциальные *быть* 4.1 и *быть* 4.3 обычно помещаются в препозиции к подлежащему предложению: *Есть человек, который всегда будет помнить обо мне; Было пять часов утра*.

г) Данная лексема может определять синтаксический тип главного предложения, вне которого она не может употребляться. Так, модальное *быть* 5.3 может использоваться только в прямой речи, т. е. обладает свойством нецелостности: *Будет с тебя <с него>*, *Будет с меня ваших жалоб*. Фразы типа **Он сказал, что будет с тебя <с него>*, **Он сказал, что будет с него ваших жалоб* неправильны.

д) Данная лексема может определять тип придаточного предложения, вне которого она не может употребляться. Так, экзистенциальное *быть* 4.2 управляет придаточным предложением, вводимым относительным местоимением: *Будет что вспомнить <с кем поговорить>*.

8. Фразеологическая информация.

Фразему редко можно отнести к определенному лексическому значению. Поэтому в подавляющем большинстве словарей фразеология подается после всех значений за ромбом. Мы следуем этой традиции. Фраземы в рассматриваемом словаре описываются менее подробно, чем сами глаголы. Они снабжаются толкованием, стилистическими пометами, грамматическим или иным комментарием по поводу особенностей их употребления и (факультативно) одной иллюстрацией. Приведем несколько примеров в дополнении к тем, которые были уже обсуждены.

Может быть, Быть может = «Говорящий предполагает и чл. допускает, что определенная ситуация имеет место» [вводи: *Он, может быть, устал*; второй вариант имеет книжную окраску].

Должно быть = «Говорящий думает, что определенная ситуация имеет место, хотя и допускает, что может ошибаться» [вводи: *Он, должно быть, устал*].

Была не была! = «Говорящий объявляет о своей готовности рискнуть» [только в прямой речи].

Будь что будет = «Говорящий объявляет, что он готов к любым последствиям принятого им решения, как бы плохи они ни были» [только в прямой речи].

Что будет, то будет = «Говорящий объявляет, что готов принять любой исход событий» [только в прямой речи]

Что было, то было = «Говорящий объявляет, что готов забыть о прошлом в интересах будущего»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Мельчук И А Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст» М, 1974
- 2 Апресян Ю Д Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ, 1986, № 2
- 3 Томсон А И Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке // Русские филологические вестник XLIX Варшава, 1902
- 4 Карцевский С О Повторительный курс русского языка М Л 1928
- 5 Якобсон Р О К общему учению о падеже // Якобсон Р Избр работы М, 1965
- 6 Restan P A The objective case in negative clauses in Russian the genitive or the accusative // Scando Slavica 1960 № 8
- 7 Рубцова В А Варпавитивное управление при прямопереходных глаголах с отрицанием не / Современный русский язык (актуальные вопросы лексики и грамматики) М 1975
- 8 Ицкович В А Очерки синтаксической нормы М 1982
- 9 Rážiska R Маркированность применительно к парности отрицательных предложений в сопоставлении русского языка // RL, 1981, N 6
- 10 Мустаиоки А Падеж дополнения в русских отрицательных предложениях 1. Изъяснение новых методов в изучении старой проблемы Хельсинки, 1985
- 11 Апресян Ю Д Словарная фиксация синтаксических свойств лексем взаимодействия слов и грамматики // Wiener slawistischer Almanach Sonderband 1991.
- 12 Mel'cuk I A, Pertsov N V Surface syntax of English A formal model within the Meaning ↔ Text framework Amsterdam, Philadelphia, 1987
- 13 Апресян Ю Д, Бозулавский И М, Ионин Л Л, Лазурский А В, Перцов Н В, Санников В З, Цимман Л Л Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП 2 М, 1989
- 14 Брызгунова Е А Звук и интонация русской речи М, 1977
- 15 Николаева Т М Семантика акцентного выделения М, 1982
- 16 Светозарова Н Д Интонационная система русского языка Л, 1982
- 17 Апресян Ю Д Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика М, 1990
- 18 Жолковский А К Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика 1964 Вып 8
- 19 Иорданская Л Н Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1970 Вып 13
- 20 Падучева Е В ТОЖЕ и ТАКЖЕ Взаимодействие актуального членения и ассоциативных связей // Предварительные публикации Института русского языка АН СССР 1974 Вып 55
- 21 Мельчук И А Семантические этюды I Сейчас и, теперь в русском языке // RL 1985, N 2—3
- 22 Fillmore Ch May we come in? // Semiotica 1973 N 2
- 23 Wierzbicka A English speech act verbs A semantic dictionary Sydney, 1987
- 24 Зализняк Анна А Знание и мнение в семантике предикатов внутреннего состояния // Коммуникативные аспекты исследования языка М, 1986
- 25 Санников В З Русские сочинительные конструкции Семантика Прагматика Синтаксис М, 1989
- 26 Бозулавский И М Исследования по синтаксической семантике Сферы действия логических слов М, 1985
- 27 Roget's thesaurus of English words and phrases L, 1967
- 28 Reum A Petit dictionnaire de style A l'usage des allemands Leipzig, 1953
- 29 Reum A A dictionary of English style Leverkusen, 1955
- 30 Webster's new world dictionary and student handbook Nashville, 1972
- 31 Webster's third new international dictionary of the English language Springfield (Mass), 1981

- 32 Robert P Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française P 1967
- 33 Oxford advanced learner's dictionary of current English Oxford, 1989
- 34 Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред Денисова П Н, Морковкина В В М, 1978
- 35 Апресян Ю Д, Палл Э Русский глагол — венгерский глагол Управление и сочетаемость Будапешт 1982
- 36 Benson M, Benson E, Ilson R The BBI combinatory dictionary of English A guide to word combinations Amsterdam Philadelphia, 1986
- 37 Collins cobuild English language dictionary London, Glasgow, 1987
- 38 Мельчук И А Жолковский А К Толково комбинаторный словарь современного русского языка Вена, 1984
- 39 Апресян Ю Д, Боталова В В, Латышева Т Э, Москалина М А, Полик Н В, Ракитина В И, Розенман А И Сметенская Е Е Англо русский синонимический словарь М, 1979
- 40 Chvany C V On the syntax of BE sentences in Russian Cambridge (Mass), 1975.
- 41 Арутюнова Н Д, Ширяев Е Н Русское предложение Бытийный тип (структура и значение) М, 1983
- 42 Апресян Ю Д Лексикографические портреты (на примере глагола быть)// Лексикография М, 1990
- 43 Lyons J A note on possessive, existential, and locative sentences // Foundations of language 1967 N 4
- 44 Александрова З Е Словарь синонимов русского языка М, 1968
- 45 Апресян Ю Д Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности М, 1988
- 46 Апресян Ю Д, Иондин Л Л Конструкции типа *Негде спать* синтаксис, семантика, лексикография // Семантика и информатика 1989 Вып 29
- 47 Garde P Analyse de la tournure russe *Mne nečego delať* // International journal of Slavic linguistics and poetics 1976 V 22